Не заставил бы свои он цепи
Через батюшку он синий Дон.
Да нельзя нам будет, казаченькам,
По тихому Дону погулять
Нам ни лодочкой, ни корабличком,
Ни сухим бережочком.[1]

Но казачья песня отразила и понимание общегосударственной роли Азова: отсюда направлялись походы на Русь, причем турки и сами нападали постоянно на окраинные области государства и прикрывали набеги крымских татар. „Из Черного моря" выплывают корабли, направляющиеся на Русь, и вот „персидский шах" уговаривает в песне „турецкого короля":

Как на полно та тебе, турецкий король,
Со белым та царем тебе воевать.
Время тебе, турецкий король, со белым царем
помириться.
— Как пройду я мать силу Расеюшку,
Тогда я со белым та царем помирюся,[2]—

отвечает султан.

Казаки понимали, что удержать Азов только своими силами им не удастся, и поэтому в своих донесениях обратились за помощью к московскому правительству, когда в 1637 году смелым набегом они захватили крепость. Однако, как ни важно было бы обеспечить безопасность русских границ, оттеснив турок от Азова, Москва не могла в то время вступить в войну с Турцией: ее основные интересы требовали активных действий против Польши и Швеции, воссоединения украинских и белорусских областей и охраны северо-западной границы. Поэтому, посылая казакам военное снаряжение и „хлебные запасы", Москва вместе с тем не давала им войск, а турецкому султану изображала действия казаков под Азовом как самовольные. В особенно трудном положении оказались казаки в Азове после того, как они ценой страшных жертв отбили все попытки турецкого войска вернуть в 1642 году Азов. „Осадное сидение" казаков в Азове хотя и кончилось для них победой, но было очевидно, что эта победа — последняя, если не придет на помощь московское войско; что разрушенную крепость недостанет сил восстановить своими средствами; что „перераненые" оставшиеся казаки уже не смогут второй раз выдержать осаду; что придется уйти из города.

В такой обстановке казачья „станица" поехала в Москву с донесением о положении Азова и с просьбой к царю принять Азов во владение. В подкрепление просьбы одним из участников станицы, видимо есаулом Федором Порошиным,[3] была написана, в форме „отписки", повесть, изображавшая героическую оборону Азова. В этой повести, имевшей целью воздействовать на участников Земского собора, которому предстояло решить вопрос о том, принимать ли Азов от казаков, — естественно шла речь не об интересах казачества, а об общегосударственном значении этой крепости: защита границ Русского государства, освобождение пленных русских, возможность спокойного развития народного хозяйства в окраинных областях — таковы, с точки

---

[1] Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34.
[3] А. Н. Робинсон. Повести об азовском взятии и осадном сидении. В изд.: Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 226.